

86
F854

На правах рукописи

Грифцова Ирина Николаевна

**СООТНОШЕНИЕ
ФОРМАЛЬНОЙ И НЕФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.01 - онтология и теория познания

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Москва 1999

Работа выполнена на кафедре философии Московского
педагогического государственного университета

Научный консультант:

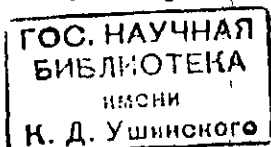
доктор философских наук,
профессор МИКЕШИНА Л.А.

Официальные оппоненты:

академик РАО, доктор философских наук,
профессор МИХАЙЛОВ Ф.Т.

доктор философских наук,
профессор АЛЕКСЕЕВ А.П.

доктор философских наук,
профессор МАМЕДОВ Н.М.

99-08961

Ведущая организация - Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук

Защита состоится "17" сентября 1999 г. в 15⁰⁰
часов

на заседании диссертационного Совета Д 053.01.05 в Московском
педагогическом государственном университете по адресу:
117571, Москва, проспект Вернадского, 88, ауд.818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по
адресу:

119882, Москва, М.Пироговская, 1.

Автореферат разослан "15" сентября 1999 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Актуальность темы исследования. Сравнительно недавно, в 1991 году, в Швеции на IX Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки с фундаментальным докладом "Логика и философия в XX веке" выступил один из выдающихся логиков нашего времени Георг фон Вригт. Целью его доклада было "оценить место логики (имеется в виду формальной - И.Г.) в философии нашего столетия". Это место он оценивает очень высоко, утверждая, что "именно логика была отличительным признаком философии нашей эпохи", которую он называет Золотым веком логики. Тем неожиданнее оказывается его прогноз относительно дальнейшей судьбы логики: "...мне кажется маловероятным, что логика будет продолжать играть ту решающую роль в целостной философской картине эпохи, которую она играла в нашем столетии. ... Я не буду пытаться предсказывать, какие направления будут ведущими в философии первого века III тысячелетия. Но думаю, ... что логики среди них не будет."¹

Конечно, в приведенном отрывке речь идет о значении логики только для философии, и он, в свою очередь, требует комментариев. Но если исходить из того, что прогноз фон Вригта оправдается, то возникает вопрос, а в какой области, в каком качестве логика будет играть если не решающую, то вообще какую-нибудь роль? Сохранит ли она свою функцию органа, элемента культуры в широком смысле, которая была ей свойственна на протяжении всей истории ее развития?

Особенности формальной логики XX века заключаются в использовании ею особых сложных методов исследования - формализованных искусственных языков и исчислений, что привело к превращению логики в довольно специализированную область знания, в определенной мере самостоятельную, занимающуюся, главным образом, разработкой собственных внутрилогических проблем. Практическая значимость этих разработок является довольно проблематичной, хотя, несомненно, можно указать области, где они успешно используются (в первую очередь, видимо, в области исследований по искусственному интеллекту).

Символическая логика конца XX века во многом отличается от той, которая создавалась усилиями Фреге-Рассела,

¹ Вригт фон Г.Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992, № 8, с. 89.

она обращается сегодня к анализу рассуждений, содержащих временные, эпистемические, деонтические, модальные и тому подобные характеристики. Эта особенность логики хорошо видна на примере постоянного расширения фрагментов естественного языка, которые поддаются логическому анализу. Сегодня вряд ли можно полностью признать обоснованной критику в адрес формальной логики, высказанную Х. Перельманом (основателем неориторики как особой логики гуманитарного знания). Суть этой критики заключается в утверждении о том, что логики редко рискуют исследовать рассуждения, используемые в праве, этике, философии, политике, повседневной жизни, а сами эти рассуждения, в свою очередь, не имеют отношения к логике в строгом смысле этого слова² (то есть формальной дедуктивной логике). Современные формальные логики "рискуно исследовать" самые разные рассуждения - другое дело, насколько помогают проводимые логиками исследования тем, кто использует эти рассуждения: политикам, юристам, философам, обычным людям в их повседневной жизни. Парадоксальным, в некотором смысле, образом современная логика, приближаясь к естественным рассуждениям, одновременно отдаляется от них, поскольку вынуждена строить все более изощренный логический аппарат, способный представлять всевозможные нюансы изучаемых мыслительных процедур.

Можно, видимо, утверждать, что современная логика в нашем столетии во многом утратила одну существенную функцию, которая имманентно была ей присуща с момента появления логики как науки. Логика перестает "участвовать" в жизни общества, отдельного человека. Провозгласив свой принципиальный отказ от ориентации на исследование обыденных рассуждений, того, "как мыслит человек", и благодаря этой антипсихологической установке сделав огромный шаг вперед в качестве теоретической науки, логика, озабоченная обоснованием собственной теоретической самостоятельности, постепенно теряет свою практическую значимость. В результате, говоря словами Г. Лейбница, "толпа либо вообще не замечает предмета, либо оставляет его без внимания"³, поскольку, добавлю от себя, не совсем понимает, зачем он ей нужен.

Сказанное не означает критики в адрес логики, скорее, это - "забота", "переживание" по поводу того, что логики нет там, где ей нет замены. Проблема трактовки логики как практической дисциплины для России, как это ни покажется, возможно, странным на первый взгляд, оказывается связанной с той конкретной

² См. *Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities*. Dordrecht, 1979.

³ *Лейбниц Г. В. Соч.*, т. 3. М., Мысль, 1984, с. 74

ситуацией радикальных изменений во всех сферах жизни, в которой мы живём сегодня. Периоды преобразований неизбежно обостряют вопрос о рациональности членов общества, понимаемой как способность человека выносить собственные суждения и действовать на их основе. Роль же логики (конечно, не единственная) в увеличении "доли рациональности" несомненна.

Таким образом, если в начале нашего века на первом месте стояла проблема обоснования логики, то в конце века на первое место выходит, на мой взгляд, проблема применимости того, что сделано в логике в качестве теоретической дисциплины. Н.Я. Грот в работе с примечательным названием "К вопросу о реформе логики. ..." (1882 г.) отмечает, что "... важнейшей чертой в развитии логики является прогрессивно увеличивающееся преобладание теоретического характера логических исследований над практическими" (с.10). Сегодня актуально достижение, по крайней мере, некоторого равновесия в этой сфере.

Характерной чертой философских исследований в конце XX века является "прагматический поворот", интерес к исследованиям обыденного языка и мышления, сегодня "существует спрос на научные исследования повседневной жизни"⁴. Сможет ли логика принять участие в этих исследованиях, может ли она реально влиять на уровень "практической рациональности" общества, имеет ли она вообще отношение к этой рациональности - вот те проблемы, решение которых, на мой взгляд, во многом определят место логики и в философии, и - шире, в культуре следующего столетия.

Таким образом, не разделяя выводов о неэффективности, бесполезности формальной логики, думаю, что они свидетельствуют, тем не менее, о необходимости определенного изменения ее "облика" (что не раз уже происходило с логикой, особенно в переходные периоды человеческой истории, от которой история логики неотделима), изменения через переосмысление своих задач, некоторых сложившихся стереотипов в оценках собственной истории, своего места в философии, роли в науке, образовании, повседневной жизни. Данный вывод требует, на мой взгляд, конкретизации применительно к "месту и времени". Речь идет, в первую очередь, об отечественной логике, поскольку осознание необходимости такого "прагматического поворота" уже произошло в определенной части логического мирового сообщества - в ряде зарубежных стран, где эти проблемы обсуждаются и периодически возникают новые направления, часто, к сожалению, противопоставляющие себя формальной

⁴ Кюнз Г. Когнитивные науки на историческом фоне. Заметки философа // Вопросы философии, 1992, № 1, с. 47.

логике (например, уже упоминавшаяся “новая риторика”). Появление “неформальной логики” - явление того же порядка. Именно со стороны ее представителей раздается сегодня наиболее явная критика в адрес формальной логики.

Мой личный исследовательский интерес к неформальной логике связан и с решением сугубо прагматической, педагогической задачи - достижением (и одновременно определением критериев) максимальной эффективности преподавания логики. Видимо, можно говорить в целом о невостребованности логики в нашем российском обществе, о чем, как хорошо известно, писал еще П.Я. Чаадаев. Этому факту также можно найти некоторые исторические объяснения, коренящиеся, в частности, в особенностях российской культуры, в том числе религиозной. Однако успешность преподавания логики зависит и от того, насколько сами логики озабочены, говоря словами С.И.Поварнина, тем, чтобы пользуясь материалами, добываемыми теоретической логикой, “так излагать и приспособлять правила логики, чтоб их можно было легче и удобнее всего применять к практике, например, к анализу доказательств”⁵. К сказанному необходимо, на мой взгляд, добавить, что применение “материала, добываемого теоретической логикой”, в первую очередь, зависит от принципиальной применимости этого материала. В то же время, в нашей стране был и остается доминирующим теоретический подход к преподаванию логики, логический принцип отбора материала явно превалирует над соображениями практической целесообразности.

Идея же неформальной логики родилась как раз, по признанию самих ее основателей, из неудовлетворенности как преподавателей, так и студентов курсами формальной логики, не дающей, по их мнению, методов, адекватных задачам анализа повседневных рассуждений. Как пишет один из неформальных логиков, “ко мне подошел один студент и спросил меня в то время, когда я преподавал им логику предикатов, каким образом все то, что он узнал за семестр, имеет хоть какое-то отношение к решению президента Джонсона об эскалации войны во Вьетнаме. Я что-то промямлил о плохой логике президента, а потом заявил, что вообще-то мой курс “Введение в логику” не имеет к этому отношения. В ответ он спросил меня, в каком курсе изучают такие вопросы, и я вынужден был признать, что, насколько мне известно, такого курса не существует. Он хотел того же, чего хотят сегодня многие студенты - курса, имеющего отношение к повседневным рассуждениям, аргументации, которые они слышат и читают при

⁵ См. Поварнин С.И. Общее учение о доказательстве. Пг., 1916.

обсуждении национальных, демографических проблем, угрозы атомной войны и многих других проблем, встающих перед лицом человечества во второй половине двадцатого века”⁶.

Существуя более двадцати лет в качестве области знания и учебной дисциплины (главным образом, в Канаде, США, Голландии, Бельгии, но литература по неформальной логике представлена и в других странах: в Оксфорде, например, в известном книжном магазине Blackwell книгами по неформальной логике заставлен целый стеллаж), неформальная логика до недавнего времени не вызывала в нашей стране ни теоретического, ни практического интереса. Почти невозможно было встретить и сам термин “неформальная логика” (*Informal Logic*), к которому существует к тому же несколько предвзятое, негативное отношение. Видимо, есть целый ряд причин такого отношения, среди которых можно назвать и нелёгкую судьбу логики в послеоктябрьской России, постоянные атаки на неё как на “буржуазную” науку, в силу чего то, что удалось отстоять, стало особенно дорогим; и споры между представителями формальной и диалектической логики, в силу чего среди формальных логиков сформировалась позиция: всё то, что не есть логика формальная, есть логика диалектическая и, следовательно, на самом деле логикой не является. Эту позицию можно, например, обнаружить в недавно вышедшем учебнике А.И.Умова “Основы практической логики”: “Всякая логика формальна; если она претендует на то, чтобы не быть формальной, то она и не логика”⁷. Однако, сколь бы уважительны ни были эти причины, они не могут, на мой взгляд, служить препятствием на пути исследования неформальной логики.

Для того, чтобы разобраться, что такое неформальная логика (и можно ли вообще считать её логикой), необходим анализ философских, в первую очередь, теоретико-познавательных установок, принципов, влияющих на ту или иную трактовку логики, её основных понятий и методов. Логично было бы предположить, что те кардинальные изменения в философии науки, которые произошли в 50-60-е годы в западных странах, а в 70-е годы и в нашей стране, и которые самым существенным образом затронули другие области философии, прежде всего, гносеологию, а также ряд близких дисциплин, должны были в той или иной степени коснуться и логики. Изменения в идеалах рациональности должны, казалось бы, затронуть и “глубинную структуру”

---

⁶ Kahane H. *Logic and Contemporary Rhetoric*. Belmont, Cal., 1971, p. vii.

⁷ Умов А.И. *Основы практической логики с задачами и упражнениями*. Одесса, 1997, с. 7.

рациональности - логику. Однако, по крайней мере, в отечественных исследованиях по "философии логики" этого практически не произошло. Тот образ логики, который создавался усилиями Г.Фреге, Б.Рассела, Д.Гильберта, логическими позитивистами и аналитической философией в целом, остался доминирующим. Именно поэтому, видимо, и фон Вригт, для которого формальная логика в любом случае исходно связана именно с этим типом философии, не находит логике места среди восходящих, как он говорит, "на философском горизонте новых облаков, привлекающих внимание философов и требующих своего прояснения"⁸. Вместе с тем, эти "облака" вполне реальны и весьма значимы, поэтому обращение к теме диссертации представляется актуальным.

Степень разработанности проблемы. Как уже отмечалось, неформальная логика, проблема ее соотношения с формальной логикой в отечественной логико-философской литературе не рассматривались. Насколько мне известно, только в работах А.П.Алексеева по теории аргументации неформальная логика упоминается как одно из направлений западных исследований по теории аргументации, однако специального анализа неформальной логики в этих работах не проводится. Некоторые темы неформальной логики затрагиваются и в других отечественных работах по аргументации, в частности, А.А.Ивина, Г.И.Рузавина, А.А.Старченко.

В зарубежной литературе неформальная логика представлена достаточно широко⁹, главным образом, учебной литературой с многочисленными упражнениями по анализу аргументационных текстов, сопровождаемыми небольшими комментариями. Теоретических исследований по этой проблематике немного - в основном, это материалы симпозиумов (начиная с 1978 года) и отдельные статьи. Для многих из этих работ характерно противопоставление неформальной логики формальной, недостаточный уровень рефлексии над собственными основаниями, принципами и методами. Это осознают и сами

---

⁸ Вригт фон Г.Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992, № 8, с. 89.

⁹ См.: Informal Logic. The First International Symposium., 1980; Nolt J.E. Informal Logic. Possible Worlds and Imagination, 1984; Govier T. A Practical Study of Argument, 1985; Acock M. Informal Logic. Examples and Exercises, 1985; Logic and Political Culture, 1992; Freeman J.B. The Place of Informal Logic in Logic // New Essays in Informal Logic, 1994; Kiersky J.H., Caste N.J. Thinking Critically. Techniques for Logical Reasoning, 1995; Waller B.N. Critical Thinking. Consider the Verdict, 1998 и др.

неформальные логики, чаще предпочитающие называть себя "движением".

Поскольку для проводимого исследования принципиально важными оказываются проблемы соотношения логики и философии, логики и рациональности, философских предпосылок логики; трактовок логики и ее статуса в истории философии и культуры, в частности, в России; соотношения теоретической и практической логики; применения логики к анализу гуманитарного и обыденного знания, то далее представлен обзор существующих разработок по названным проблемам.

Принципиальные проблемы трактовки формальной логики как теоретической дисциплины, природы логического знания, логической семантики и ее роли в обосновании логики, роли искусственных формализованных языков логики в течение многих лет разрабатывает в нашей стране Е.Д.Смирнова. Ею же исследуется логическая форма как основное понятие логики, в трактовке которого наиболее ощутимо сказываются принимаемые гносеологические предпосылки и онтологические допущения. Вопросы соотношения логики и философии, применения методов формальной логики к анализу философских проблем неоднократно ставились в работах и многочисленных докладах В.А.Смирнова.

Л.А.Миксина давно и плодотворно разрабатывает антропологически ориентированную гносеологию, исследует логико-методологические и собственно философские возможности переосмысления понятийного аппарата традиционной гносеологии через призму антропологической и коммуникативной трактовки познания и познавательной деятельности. Эти же проблемы, а также феномен рациональности, ее связь с логикой в отечественной литературе рассматриваются в работах Л.Б.Баженова, Б.С.Грязнова, В.А.Лекторского, Н.М.Мамедова, И.П.Меркулова, Ф.Т.Михайлова, А.Л.Никифорова, В.Н.Поруса, Б.И.Пружинина, З.А.Сокулер, В.С.Степина, В.С.Швырева и многих других.

Особый интерес представляет осуществленное З.А.Сокулер применение идей "позднего" Витгенштейна к проблемам философии науки. В определении методологии проводимого исследования важную роль сыграло разработанное в отечественной философии науки (в частности, А.П.Огурцовым, Н.С.Юлиной и другими) понятие "образ науки".

Естественно, что работы Г.Фреге, Б.Рассла, Р.Карнапа, особенно Л.Витгенштейна (обоих периодов), других философов аналитического направления; философов науки постпозитивистского периода, особенно К.Поппера и С.Тулмина самым существенным образом привлекались при написании данной работы.

Принципиальный характер имеют для данного исследования работы, поднимающие вопросы о статусе логики в истории философии, в культуре в целом. Исследования, погружающие логику в различного рода внелогические контексты, встречаются не так часто в зарубежной литературе и совсем редки в отечественной. Из современных работ можно назвать монографии М.В.Поповича "Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте" (1979), Г.В.Сориной "Логико-культурная доминанта. Очерки теории и истории психологизма и антипсихологизма в культуре" (1993), её же статью (совместно с В.С.Меськовым) "Логика в системе культуры", статьи В.Н.Брюшинкина. Фундаментальные работы Н.И.Стяжкина и П.С.Попова по истории логики, в частности, и в России, представляют логику, скорее, с точки зрения эволюции её внутреннего содержания. То же можно сказать и о зарубежных работах по истории логики, в частности, известной монографии Kneale W., Kneale M. The Development of Logic, 1962.

В работах по истории философии логике также уделяется недостаточно внимания в интересующем меня аспекте. Так, например, несмотря на появившийся в последнее время философский интерес к Хр.Вольфу (в 1996 году в Санкт-Петербурге даже прошел специальный семинар, посвященный Вольфу), его логические работы не стали предметом специального анализа, хотя они представляют для России особый интерес, поскольку именно с Вольфа начинается "логическое образование русских" и, кроме того, он первым произвел систематическое разделение логики на теоретическую и практическую дисциплины.

Современных работ, посвящённых непосредственно истории логики в России, еще меньше. Среди них в первую очередь необходимо назвать статьи и монографию В.А.Бажанова "Прерванный полёт. История "университетской" философии и логики в России" (1995). Книгу выгодно отличает рассмотрение логики в неразрывной связи с философией, психологией, педагогикой, привлечение богатого архивного материала, главным образом, по Казанскому университету.

Среди работ по отдельным вопросам истории логики, в первую очередь, посвященным аристотелевской трактовке формальной логики, следует назвать работы Е.А.Боброва, Я.Лукаевича, А.С.Ахманова, Р.К.Луканина, З.Н.Микеладзе, В.А.Бочарова. А.Л.Субботин исследовал логические идеи Лейбница и Логики Пор-Рояля, которую он впервые издал на русском языке в 1991 году. Кантовская трактовка общей (формальной) логики рассматривается в работах В.Ф.Асмуса, В.Н.Брюшинкина, В.А.Жучкова, Т. Зеебома (Т. Seebohm), Г. Тонелли (G. Tonelli).

Обсуждение проблемы соотношения теоретической и практической логики вообще не характерно для отечественной логической школы, развивающейся, главным образом, в рамках парадигмы "чистой логики". Исключение составляет недавно вышедшие учебники по логике: В.Н.Брюшинкина "Практический курс логики для гуманитариев" (1994, 1996), В.А.Светлова "Практическая логика" (1995), А.И.Умова "Основы практической логики" (1997). В связи с педагогическими проблемами возможность истолкования логики как практической дисциплины обсуждает Б.Л.Яшин. В определенном аспекте проблема трактовки логики как практической дисциплины ставится в исследованиях по логическому анализу так называемых практических рассуждений, например, в работах А.Т.Ишмуратова. Введение А.Л.Блиновым и В.В.Петровым понятия дискурсивного акта по аналогии с понятием речевого акта также можно рассматривать как попытку разработки варианта практической логики, трактуемой, правда, более широко. В этом же русле следуют исследования возможностей построения "естественной логики" Дж. Лакоффа, когнитивного подхода к логическим процедурам В.М.Сергеева, дискурсивного анализа Т.А. ван Дейка и других.

Проблемы применения логики к анализу гуманитарного и обыденного знания в зарубежной литературе рассматриваются, в частности, в рамках "новой риторики" и неформальной логики. В отечественной - в работах В.Г.Кузнецова, который обсуждает возможности построения особой герменевтической логики как раздела современной логики; В.К.Финна - им разрабатывается логика аргументации в применении к историческому знанию и социологическому знанию. Труды К.Поппера, с моей точки зрения, можно считать и работами, посвященными демонстрации значения логики как основы рациональной организации общества. Интересной также представляется попытка разработать особую логику правил, применимую для анализа событий истории и социальной жизни, представленная в вышедшей в 1996 году в Оксфорде книге "Логика на пути социальных изменений" (D.Braybrooke, V.Brown, P.K.Schotch. Logic on the Track of Social Change).

Наконец, следует назвать и те концепции логики, которые, хотя и не попадают в круг специально исследуемых в диссертации, но, несомненно, могут рассматриваться как варианты неформальной логики и имеют существенное значение для развития как логики, так и философии. Это "трансцендентальная логика" И.Канта, "диалектическая логика" Г.В.Гегеля и ее последующие варианты; "содержательно-генетическая логика" Г.П.Щедровицкого; "прикладная логика" И.С.Ладенко.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертационного исследования является философско-методологический анализ соотношения формальной и неформальной логики, выявление особенностей предмета, методов, задач неформальной логики.

Для реализации этой цели в диссертации ставятся и решаются следующие задачи:

- выявить и обосновать применение понятий, задающих проблемное поле “формальная логика - неформальная логика”;
- дать исторический анализ ведущих тенденций развития формальной логики с целью выявления основных трактовок формальной логики;
- проанализировать существующие в зарубежной литературе представления о неформальной логике, определить философские и методологические принципы, лежащие в основе неформальной логики;
- обосновать тезис об определяющей роли трактовки логической формы, формального в установлении соотношения формальной и неформальной логики, выявить возможные подходы в понимании логической формы;
- на примере не-фрегевской логики продемонстрировать зависимость трактовки логической формы от принимаемых методов семантического анализа языковых выражений и их онтологических допущений;
- рассмотреть проблему применения логики к гуманитарному и обыденному знанию.

Методологическая основа исследования. Для методологии проводимого исследования существенными оказались культурно-исторический и разработанный в отечественной философии науки, в частности, В.Н.Садовским, И.В.Блаубергом, Э.Г.Юдиным, системный подходы, задающие необходимость погружения логики в соответствующие философский, культурный, исторический контексты, рассмотрение её в системе с другими элементами культуры. При выявлении различных трактовок логики эффективным оказалось понятие “образ логики”, введенное в диссертации по аналогии с упомянутым ранее понятием “образ науки”.

Исходные установки диссертационного исследования во многом формировались под влиянием идей Л.А.Микешиной о необходимости реформирования традиционной гносеологии, принципиального переосмысления ее понятийного аппарата с позиций трактовки познания в его антропологических смыслах и аспектах.

Существенную роль в работе над диссертацией сыграли также идеи отечественных логиков Е.К.Войшвилло, В.А.Смирнова, Е.Д.Смирновой, В.А.Бочарова, касающиеся трактовки формальной логики, ее философских предпосылок и применений.

В историческом плане на методологию проведенного исследования значительно повлияли идеи Хр. Вольфа, И.Канта, Л.Витгенштейна, К.Поппера, М.Фуко.

В диссертации также были использованы конкретные методы логико-семантического анализа и дискурсного анализа.

Значение совместных с Г.В.Сориной обсуждений исследуемых в работе проблем мне трудно переоценить.

Научная новизна исследования. В диссертации впервые в отечественной логико-философской литературе осуществлен философско-методологический анализ неформальной логики, сформулированы ее основные принципы в контексте соотношения с формальной логикой. При этом получены следующие основные результаты:

1. Предложен понятийный аппарат для анализа проблемного поля "формальная логика - неформальная логика": "логика, философия логики, философская логика"; "теоретическая и практическая логика"; "образ логики"; "логическая форма".

2. Введено методологическое понятие "образ логики", с помощью которого дан анализ различных трактовок логики (Аристотеля, Логики Пор-Рояля, Лейбница, Хр. Вольфа, Канта, Фреге, Гильберта и других). Показано влияние изменений, происходящих в общих философских установках, на принимаемый образ логики.

3. Обоснован тезис о зависимости трактовки логики как формальной либо неформальной от трактовки логической формы. На примере не-фрегевской логики и ситуационной семантики продемонстрирована, в частности, зависимость выявления логической формы рассуждения от предметной области. Рассмотрены различные уровни абстракции понятия логической формы.

4. Показано, что в исходном пункте своего анализа формальная и неформальная логика ставят однотипные задачи выявления структуры рассуждения и его элементов. Принципиальное же их отличие определяется уровнем абстракции представления этой структуры и типом принимаемых оценок рассуждения.

5. Выявлены следующие основные методологические принципы и характеристики неформальной логики:

- ориентация на рассуждения и их элементы, выраженные в *естественном языке* и используемые в *публичном дискурсе*;
- учет особенностей *предметной области* рассуждения;
- изучение рассуждения как *процесса*, в его изменчивости;
- введение стадии *понимания рассуждения* в структуру его анализа;
- трактовка *вопрошания как принципа* и одновременно процедуры, определяющих *стратегию анализа рассуждения*;
- установление зависимости между типом задаваемого вопроса и типом рассуждения, с точки зрения его *макроструктуры* (макроформы);
- использование трех групп вопросов при анализе рассуждений: *идентификации, интерпретации и оценки*;
- трактовка *логики как критики* ошибочных рассуждений, выявление и систематизация типичных *неформальных ошибок* (fallacies);
- рассмотрение своей теоретической части как "*прикладной эпистемологии*";
- понимание задачи *обучения навыкам рассуждения, аргументации* как *центральной задачи всего образования*.

6. Рассмотрены различные концепции соотношения логики и метафизики: Аристотеля, Лейбница, Канта, Рассела, Витгенштейна, Хайдеггера. Показано, что логика может задавать определенную модель метафизики, которую можно назвать "логицистской" моделью.

7. В связи с анализом логики Канта введено понятие "теоретическая нагруженность методических размышлений", которое можно рассматривать в качестве достаточно общезначимого принципа анализа философских концепций. Предложен подход к анализу логики Канта как науки через его трактовку логики как учебной дисциплины; установлена неадекватность общепринятого тезиса, в соответствии с которым Кант строит свою логику на базе полного отвержения логики Аристотеля.

8. Обоснована точка зрения, в соответствии с которой отношение Хайдеггера к логике нельзя рассматривать как тотальный отказ от логики. Проведена реконструкция системы хайдеггеронской аргументации, встроенной в последовательность вопрошания, выявлено собственное, хайдеггеровское понимание логики в связи с его идеями "реформирования" логики.

9. Проанализированы проблемы применения логики к гуманитарному и обыденному знанию, в частности, на базе рассмотрения "социальной логики" Г.Тарда, "логики социальных наук" К.Поппера.

Теоретическая и практическая значимость диссертации. В осуществленном исследовании разработаны и обоснованы теоретические положения, которые, на мой взгляд, в своей совокупности позволяют во многом по-новому оценить роль и место логики в философии, культуре в целом, переосмыслить ее основные понятия и применяемые методы в контексте парадигмальных изменений, происходящих в философии, теории познания в конце XX века.

Положения и выводы, полученные в диссертации, могут использоваться при чтении основных и специальных курсов по теории познания, логике, истории философии и логики (в частности, российской) студентам, аспирантам, людям, получающим второе образование. Развиваемая в диссертации общая концепция логики как практической дисциплины, будучи реализованной в преподавании, может способствовать выработке навыков критического мышления, столь необходимого в любой сфере профессиональной деятельности, а также в повседневной жизни. Разрабатываемые в диссертации идеи нашли свое воплощение в материалах, подготовленных автором для "Хрестоматии по истории философии" (разделы "Философия Б.Рассела", "Философия К.Поппера", "Логика в России", МПГУ, 1994, 1997), авторских программах по логике и спецкурсе "Логика и критическое мышление" (совместно с Г.В.Сориной), впервые читаемого в российских вузах (МПГУ, МГУ, Калининградском государственном университете в рамках Федеральной программы "Интеграция" и др.).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Историческое развитие логики не сводится к двум этапам - традиционной и символической логики, разделенным периодом застоя (как считали, например, Рассел, фон Вригт и другие). В диссертации развитие логики рассматривается, скорее, как происходящее в пространстве, заданном Аристотелем, в котором, в свою очередь, размещаются "другие книги и другие авторы" (по выражению М. Фуко), формирующие разные образы логики. Адекватное понимание развития и роли логики предполагает выявление и анализ этих различных образов логики.

2. Введение понятия "образ логики" позволяет пересмотреть некоторые общепринятые в логике оценки своей собственной истории и показать, что они являются следствием принятия определенного образа логики - а именно,

сформировавшегося в рамках логицизма (понимаемого в широком смысле) и антипсихологизма, и отождествления этого образа с наукой логикой как таковой. Так, сложившееся в формальной логике представление о Канте только как "авторе" парадигмы "чистой" логики, отрицающем саму возможность практической логики, не является адекватным и не позволяет оценить другие стороны его воззрений на логику, в частности, трактовку логики как критики (см. работы Канта "Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма" и "Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.").

3. Необходимо учитывать связь логики, выделяемых в ней логических структур с определенными философскими представлениями о реальности и познании и соответственно учитывать влияние изменений, происходящих в общих философских установках, на принимаемый образ логики. В то же время следует отличать от этого вопроса вопрос об онтологических допущениях конкретной логической системы.

4. Соответственно, различие формальной и неформальной логики определяется, в первую очередь, их философскими предпосылками. В основе современной формальной логики лежат, главным образом, представления классической фундаменталистской гносеологии, сформировавшейся на базе идей Декарта о возможности существования единого универсального метода познания, дедуктивного по своей природе. Неформальная логика базируется на неклассическом идеале рациональности, в частности, на концепции "человеческого понимания" С.Тулмина.

5. В исходном пункте своего анализа и формальная, и неформальная логика ставят однотипные задачи - выявить структуру рассуждения и его элементов. В этом заключается их общность, позволяющая считать неформальную логику видом логики. Принципиальное отличие определяется тем уровнем абстракции, на котором представляется структура рассуждения, и теми оценками, с которыми подходят к рассуждению в этих двух логиках, а также отношением к использованию формализованных исчислений в качестве методов анализа. Формальная логика, следуя своей основной установке выявить логическую форму рассуждения, стремится максимально освободиться от естественного языка (дескриптивных терминов), в котором выражены посылки и заключения, "главная задача логики состоит в освобождении от языка и в упрощении" (Г.Фреге). Для неформальной логики характерно внимание к рассуждениям, выраженным в естественном языке, с присущими им естественной многозначностью, неопределенностью, незавершенностью.

6. Другое отличие формальной и неформальной логики проходит по линии трактовки логических процедур, в первую очередь, рассуждения, с точки зрения их индивидуальной или коллективной природы. В основе неформальной логики лежит взгляд на знание как на свойство сообщества, а не только индивида, цель познания видится не в построении ясного знания на надежном фундаменте самоочевидности, а в улучшении и расширении знания с помощью сомнений и вопросов. Вопросание выполняет в неформальной логике роль методологического принципа, определяющего стратегию анализа рассуждения.

7. Неформальную логику не следует противопоставлять формальной логике, тем более рассматривать ее как форму отрицания последней (что свойственно некоторым наиболее радикальным неформальным логикам). Неформальная логика анализирует "естественные" рассуждения, не стремясь подогнать их под стандартные структуры формальной логики, она чувствует себя более свободной в рассмотрении тех аспектов осуществления субъектом логических процедур, которые носят принципиально "антропологический" характер, являются следствием укорененности человека, рассуждающего о жизни, в самой этой жизни. В этом смысле неформальную логику можно рассматривать как реализацию "феноменологического" подхода в логике, а ее "недостаточная" теоретичность и отсутствие собственных формализованных методов делают ее более доступной для изучения и применения в реальной жизни. В то же время, проводя "первичную обработку логического материала", неформальная логика не только не исключает, но привлекает те методы формальной логики, которые являются адекватными для конкретного случая, и, в свою очередь, может обладать эвристической значимостью для формальной логики.

8. При включении в "логическую форму" параметров, задающих прагматический контекст, неформальная логика может рассматриваться как формальная, но в более широком смысле. В частности, противопоставление формальной и неформальной логик может сниматься при трактовке логики как когнитивной науки, с одной стороны, задающей общезначимые условия, правила логических процедур, с другой, дающей модели анализа этих процедур, осуществляемых конкретным человеком в конкретных контекстах.

9. Появившись во второй половине XX века, неформальная логика имеет своих предшественников в прошлом. Анализ как особенностей самой неформальной логики, так и различных образов логики, позволяет утверждать, что Аристотель был родоначальником не только формальной, но и неформальной

логики. Идеи, развиваемые им, в первую очередь, в его трактате "О софистических опровержениях", во многом близки идеям неформальной логики. Идеи Декарта удивительным образом также определили как основные принципы классической рациональности, на которой базируется формальная логика Фреге и Рассела, так и методологические установки Логики "Пор-Рояля", во многом совпадающие с установками неформальной логики.

10. Логика не может быть только чисто академической дисциплиной в силу своей изначальной двойственной природы научного знания и элемента культуры. Обретение логикой искусственного формализованного языка открыло перед ней беспрецедентные возможности для развития в качестве теоретической дисциплины, но одновременно во многом отгородило логику как от других дисциплин, так и от реальной жизни, сузив сферу ее практического применения, привело к недостаточной эффективности ее преподавания в качестве общеобразовательной дисциплины. Появление многочисленных новых направлений формальной (и формализованной) логики: модальных, эпистемических, паранепротиворечивых и т.п. - принципиально ситуации не меняет (даже если речь идет о логическом анализе *естественного языка*), поскольку расширяет возможности *теоретического анализа*, требующего специальной логической подготовки.

11. Сохранение рациональности в качестве общезначимой ценности культуры напрямую зависит от статуса логики в обществе, определяемым, в свою очередь, ее положением в системе образования. Обращение к опыту преподавания логики как неформальной дисциплины для России представляется особенно актуальным.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии Московского педагогического государственного университета. Результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 36 научных работах автора (в том числе, одной монографии) общим объемом 20 п.л.

Идеи, разрабатываемые в диссертации, были использованы при работе над тремя научными проектами, поддержанными Международным (МНФ) и Российскими (РГНФ и РФФИ) научными фондами: "Гуманитарное обоснование логики: подходы и проблемы" (совместно с Г.В.Сориной, 1994-1996 г.), "Логика как практическая дисциплина в исследованиях российских логиков" (1997-1999 г.), "Понятийные стратегии и социокультурные

изменения (логико-методологический анализ)" (совместно с Г.В.Сориной, 1997-1999 г.).

Основные результаты, полученные в диссертации, докладывались и обсуждались на многочисленных конференциях, в том числе: на 8 Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Москва, 1987 г.), 19 Всемирном философском конгрессе (Москва, 1993 г.), 9 Международном конгрессе по Просвещению (Мюнстер, 1995 г.), Попперовском семинаре в Будапеште (1995 г.), Международных семинарах "Логика и культура" (Оксфорд, 1995 г., 1996 г.), Международных Кантовских чтениях (Светлогорск, 1991 г., 1992 г., 1995 г.), Всесоюзных конференциях по логике, методологии и философии науки (Харьков, 1986 г., Минск, 1990 г., Обнинск, 1995 г.), Первом Российском философском конгрессе (Санкт-Петербург, 1997 г.), Международной конференции "Развитие логики в России: итоги и перспективы" (Москва, 1997 г.), Международных семинарах "Христиан Вольф и Россия" (Санкт-Петербург, 1996 г.) и "Антропология с современной точки зрения" (Светлогорск, 1998 г.), теоретических семинарах кафедры философии МПГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из "Введения", четырех глав, "Заключения" и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

ГЛАВА I "Предупреждение об основных понятиях", как следует из ее названия, в некотором смысле предваряет содержание диссертации, представляя основные понятия, которые задают проблемное поле "формальная логика - неформальная логика". Это понятия и понятийные ряды: "логика, философия логики, философская логика", "образ логики", "логическая форма", "теоретическая и практическая логика". Дается обоснование выбору именно данных понятий и раскрывается их основное содержание, которое детализируется и обогащается в последующих главах диссертации.

В параграфе "Логика, философия логики, философская логика" обосновывается тезис о том, что проблема соотношения формальной и неформальной логики относится к сфере философии логики. В диссертации предлагается использовать этот термин (введенный, видимо, Б.Расселом), хотя он и не является общепринятым в отечественной традиции. В.Н.Брюшинкин использует его в обосновании своей программы

метапсихологизма¹⁰. Предлагается различать: саму логику; два уровня рефлексии над ней: металогику и философию логики; применение логики. Если в металогики стремятся к тому типу прояснения, который не требует определения экстра-логических, философских позиций, то философия логики пытается дать определение логики, ее места в системе человеческого знания, философии, культуры в целом. Это дальнейшая рефлексия над логикой, стремление к конечному прояснению природы логики вообще, логических сущностей, в частности. Предлагается также различать философию логики и философскую логику, относящуюся к сфере собственно логики. Понятие "применение логики" эксплицируется в следующем параграфе.

В параграфе "Теоретическая и практическая логика" рассматривается деление логики на теоретическую и практическую дисциплины. Если смысл термина "теоретическая логика", применительно к теме диссертации, достаточно очевиден и не требует особых пояснений (хотя представляется возможным, как показывается в третьей главе, говорить и о различных образах теоретической логики), то словосочетание "практическая логика" многими логиками, в частности, отечественными, категорически не принимается. Обычно в таких случаях ссылаются на позицию И.Канта, которая в его "Логике" звучит следующим образом: "Общая логика, которая, будучи лишь каноном, отвлекается от всяких объектов, не может иметь практической части"¹¹. Тем не менее, термин "практическая логика" в отечественной, главным образом, учебной литературе используется сегодня достаточно широко.

В диссертации выявляются и анализируются три основных смысла трактовки практической логики. Под практической логикой в узком смысле понимают логику, изучающую практические рассуждения, то есть такие, результатом которых являются действия, а целью - обоснование этих действий. Формальным признаком таких рассуждений является наличие в них терминов, необходимых для описания целей, желаний, намерений субъекта и т.д. А.Т.Ишмуратов в своем исследовании, специально посвященном логическому анализу практических рассуждений, рассматривает практическую логику как совокупность логических систем, формализующих такие практические рассуждения (в этом смысле существующие интенциональные логики рассматриваются

¹⁰ См. Брюшинкин В.Н. Логика. Мышление. Информация. Л., ЛГУ, 1988.

¹¹ Кант И. Трактаты и письма. М., Мысль, 1980, с. 325-326.

им как фрагменты практической логики)¹². Второй подход предполагает трактовку практической логики как прикладной логики (в англо-язычной логической литературе обозначается обычно как направление Applied Logic). В этом случае практической может оказаться любая самая абстрактная логическая система, если предлагаемые ею модели найдут подходящую интерпретацию в какой-то конкретной области знания, например, в медицинской диагностике.

В диссертации принимается третий, более широкий смысл употребления термина "практическая логика", хотя и не исключающий смысла, предполагаемого рассмотрением логики как прикладной науки, но, в первую очередь, связанный с той ролью, которую логика как наука и учебная дисциплина способна играть в жизни общества и отдельного человека, оказывая на них влияние. Для предлагаемого в работе подхода к пониманию практической логики через ее практические функции существенна позиция К.Поппера, который рассматривает логику как теорию рациональной критики, а подлинное демократическое, открытое (в его терминологии) общество как основанное на возможности рационального обсуждения и рациональной критики принимаемых решений всеми его членами.

В параграфе "Понятие "образ логики" и его методологическая роль" по аналогии с понятием "образ науки" вводится понятие "образ логики". Введение и использование этого понятия представляется оправданным по ряду причин. Во-первых, логика всегда была и остается особой наукой, определить свое отношение к которой так или иначе считали своим долгом другие науки и философия. Здесь можно встретить самые разные позиции (они специально рассмотрены в тексте диссертации) - от объявления логики пропедевтикой ко всем наукам, органом всех наук, "ключом к метафизике" (Б.Рассел) до выступлений против господства логики в метафизике (М.Хайдеггер) и даже полного отрицания ее значения. Соответственно столь разные оценки роли логики основывались на определенных представлениях философов и ученых - ислогиков о предмете и методах логики. Во-вторых, достаточно часто можно столкнуться с расхождением, а зачастую даже полным несовпадением в оценке роли логики у логиков и представителей других специальностей. Особенно такое расхождение можно видеть у логиков с гуманитариями. В-третьих, можно, видимо, смело говорить о разрыве в оценках роли логики

---

¹² См. *Ишмуратов А.Т.* Логический анализ практических рассуждений. Киев, Наукова думка, 1987.

между представителями научного сообщества и остальной частью общества. Здесь возможны самые разные варианты. Например, говоря словами Лейбница, "толпа либо вообще не замечает предмета (уточним - не знает о его существовании - И.Г.), либо оставляет его без внимания", либо относится к нему крайне отрицательно. Возможен, конечно, и позитивный вариант. Определенное влияние на отношение к логике в обществе оказывают и искусство, литература, средства массовой информации (в диссертации приводятся соответствующие примеры).

Предлагаемый в диссертации подход предполагает выделение (по самым разным основаниям) и анализ различных образов логики, рассмотрение их влияния как на реальное бытие логики в культуре, жизни общества, так и на формирование образов логики прошлого. Данный подход предполагает также осознание того факта, что наряду со сменой различных образов логики возможно и их сосуществование в один и тот же исторический период. Наконец, представляется важным понимать, что точно так же, как тот или иной образ науки нередко отождествляют с самой наукой, определенный образ логики может отождествляться с самой логикой.

В параграфе "Логическая форма" подчеркивается, что понятие логической формы является для логики центральным, благодаря которому она, собственно говоря, и получила название "формальная логика". Очевидно, что центральным это понятие оказывается и при обсуждении вопроса о соотношении формальной и неформальной логики, главной темы данного исследования. В диссертации выделяется два основных смысла, в которых употребляется термин "форма" в логике: как вид мысли и как структура мысли, рассматриваются особенности каждого из них. Особое внимание уделяется трактовке логической формы Л.Витгенштейном в "Логико-философском трактате": "2.033. Форма есть возможность структуры"¹³, который в целом можно рассматривать как своеобразную философию логической формы.

Рассматриваются различные варианты уточнения понятия логической формы, анализируются так называемые синтаксическое и семантическое понятия логической формы. Зависимость логической формы от принимаемых методов семантического анализа и, в конечном счете, от принимаемых философских установок, показана на конкретном примере не-фрегевской логики в четвертой главе диссертации.

---

¹³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., ИЛ, 1958, с. 34.

ГЛАВА II “Образы логики в истории философии и культуры” посвящена рассмотрению некоторых исторически сложившихся образов логики. При этом цели представить достаточно полную картину исторического развития логики не ставилось, поскольку это не исследование по истории логики. Акцент делается на некоторых принципиальных изменениях в трактовке логики, зависящих, прежде всего, от изменений в философских предпосылках, а также определяемых, говоря словами фон Вригта, “какими-то *другими* характерными чертами культурного облика времени (курсив Вригта)”¹⁴, в частности, позволяющих говорить о соотношении формальной и неформальной логики.

В данной главе сначала рассматривается логика Аристотеля. Далее анализируется тот период в развитии логики, который в большинстве работ по истории логики считается периодом упадка, застоя и всяческого искажения логики - это период примерно с 1450 по 1850 год. Основная цель исследования, проводимого в этой главе - показать, что такая оценка логики в выделенный период есть следствие существования вполне определенных представлений о логике, ее предмете, методах, задачах, то есть следствие принятия определенного образа логики, а именно, того образа логики, который сформировался в рамках логицизма (понимаемого в широком смысле) и антипсихологизма. отождествление этого образа с самой наукой логикой привело к неспособности увидеть развитие логики, состоявшееся в работах последователей Декарта (особенно знаменитой логики Пор-Рояля), Вольфа, Канта и других мыслителей, живших в это время. В таком случае логично предположить, что развиваемые в этот период концепции логики создают иной (или иные) образы логики. Предваряя результаты анализа, можно сказать, что это те тенденции в развитии логики (заложенные, однако, уже в аристотелевской трактовке логики), которые вполне проявились в наше время в концепции неформальной логики.

В данном разделе диссертации реконструируются и подробно анализируются аргументы, приводимые в обоснование утверждения о “провале” в развитии логики, в частности, такие, как изменение жанра написания логических работ (учебники и комментарии к ранее написанным работам); ориентация на методологию и эпистемологию; утрата связи с математикой.

---

¹⁴ Вригт фон Г.Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии, 1992, № 8, с. 82.

Параграф "Аристотель: "транс-дискурсивная позиция". Начало формальной и неформальной логики" имеет принципиальное значение для всего диссертационного исследования, поскольку невозможно говорить о соотношении формальной и неформальной логики, не обращаясь к основателю логики. Методологическим принципом анализа при этом послужила идея М.Фуко о разных типах авторов, высказанная им в докладе "Что такое автор?"¹⁵, с точки зрения которой Аристотель рассматривается в диссертации не только как автор работ, объединенных затем под общим именем "Органон", но и как автор дисциплины, традиции, "внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие книги и другие авторы". В этом смысле Аристотель находится в "транс-дискурсивной позиции", а наука (в данном случае - логика) и соответствующая дискурсивность располагаются по отношению к Аристотелю как к неким первичным координатам. Такой подход позволил рассматривать все последующее развитие логики, в лице самых различных авторов, как так или иначе определяющее себя по отношению к аристотелевской логике, даже в том случае, когда происходило отрицание идей основателя. Однако это отрицание оставалось все равно в заданном им, Аристотелем (как оказалось, на тысячелетия), пространстве.

Вместе с тем, представляется возможным отнести Аристотеля и к третьему типу авторов, выделяемому Фуко, - так называемым "основателям - учредителям дискурсивности", которые "установили некую бесконечную возможность дискурсов", "... сделали возможным не только какое-то число аналогий, они сделали возможным - причем в равной мере - и некоторое число различий. Они открыли пространство для чего-то, отличного от себя и, тем не менее, принадлежащего тому, что они основали"¹⁶.

В данном разделе работы выявляются лишь некоторые моменты в трактовке аристотелевской логики, которые существенны с точки зрения основной задачи диссертации - анализа соотношения формальной и неформальной логики. Важно было посмотреть, как эти "различия" - в данном случае в виде неформальной логики - сделались возможными благодаря Аристотелю, насколько это, "отличное от него, тем не менее, принадлежит тому, что он основал".

Давно стало общим местом: формальная логика начинается с Аристотеля - читаем мы в многочисленных исследованиях по

---

¹⁵ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996, с. 7-46.

¹⁶ Там же, с. 32.

истории логики. Однако можно встретить и такое: "... перед нами логика отнюдь не формальная..."¹⁷ Как совместить между собой эти две противоположные оценки? В работе показывается, что трактовка логики Аристотеля как формальной либо неформальной зависит от того, какой аспект в понимании формального при анализе выдвигается на первый план. Предлагается выделять три таких аспекта. Первый связан с выявлением видов мысли в зависимости от ее структуры, строения (обратное будет, по-видимому, тоже верным). Второй аспект касается онтологических предпосылок логики и, в свою очередь, предполагает ответ на два вопроса: какова связь логики, выделяемых в ней логических структур с определенными философскими представлениями о реальности и каковы онтологические допущения конкретной логической системы (так называемая формальная онтология). Применительно к Аристотелю речь должна идти, видимо, в первую очередь, об онтологических предпосылках первого рода. Третий аспект анализа предполагает выявление в логике Аристотеля ее "практической" составляющей, то есть обсуждение вопросов о том, с какой целью создавалась логика Аристотеля, каковы сферы ее приложения, каким образом связана она с реальной практикой мыслительной деятельности реального человека, то есть тех вопросов, которые являются, как показывается в четвертой главе диссертации, центральными в современных работах по неформальной логике.

При таком подходе оценка логики Аристотеля как только формальной или же неформальной оказывается некорректной. Если исходить из первого выделенного в диссертации аспекта в трактовке формального и позиции, что логика изучает структурные аспекты рассуждений, правила перехода от посылок к заключениям на основании строения, структуры (формы) посылок, а не их содержания, то несомненно, что этот аспект мы находим у Аристотеля в полной мере (в его учении о суждении и, конечно же, в ассерторической силлогистике). В этом смысле столь же несомненно, что его логика является формальной, более того, именно в такой трактовке Аристотель произвел саму идею *формальной логики*.

Если же попытаться выявить взаимосвязь между онтологическим и собственно логическим подходами Аристотеля, то можно согласиться с мнением Ш.Серрюса о том, что "она погружена в онтологию как в присущую ей среду; она питается от нее, но сама не создает ее"¹⁸. Действительно, исследования,

---

¹⁷ Ш.Серрюс. Опыт исследования значения логики. М., 1948, с. 55.

¹⁸ Там же, с. 55.

например, в области модальной логики показывают, что понять идеи Аристотеля о возможности и действительности нельзя без обращения к таким разделам его философии, как учение о материи и форме, учение о причинности.

В работе также анализируются другие линии связи логических и онтологических идей Аристотеля. Осознание наличия таких связей ведет, как представляется, к осознанию необходимости постоянных "трансформаций" логики. С другой стороны, нужно понимать, что связь эта не столь жесткая и однозначная, чтобы каждый раз требовать построения новой логики. Это - другая крайность, позиция, не учитывающая относительной самостоятельности предмета логики. Кроме того, надо сказать, что вопрос о связи логики с философией после Аристотеля (и даже в интерпретации его логики) нередко ставился и в обратном порядке, то есть речь шла о трактовке логики как "ключа к метафизике". Такая позиция, в частности, представлена в расселовской интерпретации монадологии Лейбница.

Наконец, если исходить из третьего выделенного в диссертации аспекта анализа аристотелевской логики - возможности трактовки его логики как практической дисциплины, то, как показывается в данном параграфе, у Аристотеля можно найти элементы всех тех смыслов, в которых употребляется термин "практическая логика" (об этом шла речь в первой главе диссертации).

В параграфе "Логика Пор-Рояля как новый тип логики" обосновывается идея о том, что это практически ориентированная логика в третьем из выделенных смысле. Показывается, что в своих рассуждениях Арно и Николь вовсе не отрицают логику Аристотеля и не противопоставляют ей свою логику, как это обычно принято считать (естественно, когда говорят об отрицании аристотелевской логики, всегда имеют в виду какой-то ее образ). Свою практическую логику они рассматривают в качестве органа любой другой науки. В диссертации показывается, что идея канона также присутствует в их концепции. Приводятся аргументы в пользу этого утверждения, в частности, базирующиеся и на анализе "Грамматики Пор-Рояля". Логика "Пор-Рояля", несомненно, задает новый тип, новый образ логики. Эту новизну, как показано в диссертации, невозможно объяснить без учета философских идей Б.Паскаля и Р.Декарта. Так, идеи Паскаля, для которого вся сущность человека заключена в мысли, образование становится элементом выполнения долга, ответственного отношения человека к самому себе, формой, создающей условия для самостоятельного мышления. При таком подходе становится совершенно очевидным, что для дискурса Пор-Рояля технические

навыки по оперированию логическими формами оказываются вплетены в морально-этические и религиозные нормы, что логическая техничность превращается в "технику духовности". Особое внимание уделяется в этом параграфе роли Декарта в появлении новой логики, показывается неоднозначность трактовки его только как родоначальника новоевропейского рационализма, определившего, в конечном счете, и методологические установки формальной логики XX века, условно говоря, фреге-расселовского типа - образа логики, принципиально отличающегося от задаваемого Логикой Пор-Рояля.

Параграф "Лейбниц: идея символической логики" имеет в контексте задач диссертационного исследования принципиальное значение. На примере Лейбница хорошо видно, как принятие одного из образов логики в качестве единственного, отождествление его с самой наукой логикой, создает определенные стереотипы и в оценках логикой собственной истории, не позволяет увидеть всего того, что не укладывается в данный образ. Основная задача этой части работы состояла в том, чтобы, с одной стороны, показать односторонность общепринятых воззрений на Лейбница только как на основоположника математической логики, воззрений, сложившихся, главным образом, в рамках логицистской концепции Г.Фреге, Б.Рассела, Л.Кутюра; с другой стороны, раскрыть роль Лейбница как одного из реформаторов логики в Новое время. В диссертации показывается, что истолкование Лейбница только в духе логицизма приводит не только к тому, что не менее ценные идеи Лейбница относительно задач логики не замечаются, но и к упрощенной трактовке соотношения в системе его философии логики и метафизики. Показывается, что в философской концепции Лейбница идеи математической и традиционной логики не противоречат друг другу, но выполняют разные функции, при этом традиционная логика в значительной степени рассматривается Лейбницем как практическая дисциплина.

Параграф "Хр. Вольф: гармония теоретической и практической логики" посвящен трактовке соотношения теоретической и практической логики в работах Христиана Вольфа, фигура которого имеет особое значение не только для истории логики в целом, но для российской логики, в частности, поскольку обращение к теме начала систематического знакомства с логикой, преподавания логики в России автоматически означает обращение к Вольфу, которого, перефразируя гегелевскую оценку его роли в философском образовании немцев, можно назвать "родоначальником логического образования русских". Именно его система логики была положена в основу всех первых учебников по логике в России XVIII века, в значительной степени сохранившиеся

до сих пор. В диссертации рассматривается, главным образом, "немецкая логика" Вольфа. Обосновывается тезис, согласно которому логике Хр. Вольфа можно поставить в один ряд с "Логикой Пор-Рояля". Особенности логики Вольфа рассматриваются в контексте общеполитических и социокультурных установок эпохи Просвещения. В результате делается вывод, что вся логика Вольфа является практической в особом смысле, приобретённом ею именно в эпоху Просвещения: она начинает играть особую "метароль". Будучи инструментом усовершенствования разума, логика оказывается тем самым и одним из инструментов усовершенствования самого общества. Отмечается близость этой идеи к попперовской оценке логики как теории рациональной критики и тем самым - основы рациональной организации общества.

В параграфе "Кант и парадигма "чистой логики"". Действительно ли для Канта практическая логика является *contradictio in adjecto*?" показывается, что следующего за Вольфом Канта последующие поколения логиков рассматривают как задающего новую парадигму формальной логики, которая должна рассматривать все логические процедуры, в первую очередь, рассуждения в "чистом виде", вне предметной области, контекста и рассуждающего субъекта. Кант, с этой точки зрения, как принято считать, отрицает саму возможность деления логики на теоретическую и практическую, чистую и прикладную, для него практическая логика, логика как органон невозможна в принципе, поскольку она имеет дело только с чистой формой и отвлекается от всякой предметной области. Обоснованность такой интерпретации логики Канта подробно анализируется в диссертации.

Уточняется отношение Канта к логике, явным образом выраженное в его "Критиках". Вместе с тем, выделяются некоторые ключевые позиции, "теоретические образы" кантовской логики, возникшие в рамках разных философских учений, концептуально обусловленные, с одной стороны, контекстом эпохи, с другой - личными, профессиональными ориентациями философа, размышляющего над этим вопросом. В качестве источника для выделения основополагающих логических идей Канта в диссертации используются непосредственно кантовские курсы лекций по логике, обсуждается вопрос об аутентичности этих курсов. В работе, помимо *The Jasche Logic*, впервые анализируются и другие списки лекционных курсов Канта: *The Blomberg Logic*; *The Vienna Logic*; *The Dohna-Wundlacken Logic*. Рассматриваются также два собственно кантовских текста по проблемам логики. Это - "Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма", опубликованное в 1762 году, и "Уведомление о расписании лекций

на зимнее полугодие 1765/66 г.” В диссертации обосновывается тезис, что “Уведомление” является существенным источником для адекватной реконструкции кантовской концепции формальной логики, а обсуждение методических проблем преподавания логики не отделимо у Канта от обсуждения теоретических проблем.

ГЛАВА III “Логика в контексте философии XX века” посвящена выявлению основных особенностей трактовки логики, или ее основных образов, сложившихся в XX веке. Основная идея данного раздела диссертации заключается в том, что тот образ логики, который сложился в рамках логицизма и антипсихологизма, философии неопозитивизма, аналитической философии в целом представляет собой доминирующий, но не единственный в наше время образ логики. В главе рассматриваются особенности трактовки логики Г.Фреге, Д.Гильбертом, А.Тарским, проблемы соотношения логики и метафизики. Как представляющие особый интерес с точки зрения подготовки идей неформальной логики обсуждается влияние концепции Л.Витгенштейна на нефрегевскую логику, отношение М.Хайдеггера к классической формальной логике.

В параграфе “Трансформация образа формальной логики в образ “формализованной” логики” показывается, что формальная логика XX века, в первую очередь, ассоциируется с образом *теоретической логики*, который, как известно, сложился под влиянием Фреге, его борьбы против психологизма в логике и поиском языка чистого мышления. Затем этот образ уточнялся благодаря работам Б. Рассела и А.Уайтхеда, Д.Гильберта и В.Аккермана, А.Тарского, других классиков теоретической логики XX века. Вместе с тем, в диссертации обосновывается позиция, согласно которой можно говорить о некотором “разрыве” между текстами классиков современной теоретической логики и теми выводами, которые делались их последователями, через которые и сформировался образ формальной теоретической логики конца второго тысячелетия. В результате логика оказывалась зачастую областью знания, наукой, существующей вне философских рассуждений, вне контекстов культуры, в рамках которой она создавалась и на которую, в свою очередь, оказывала влияние. В диссертации приводится ряд аргументов в поддержку этой позиции, в частности, на примере трактовки логики, ее задач в знаменитой работе А.Тарского “Введение в логику и методологию дедуктивных наук”.

Показывается, что, в текстах Тарского явным образом прослеживается его стремление соотносить создаваемые им формализмы с возможностями их использования на уровне обыденной жизни. Тарский, основатель формальной семантики,

имя которого чаще всего ассоциируется исключительно с формализмом, обсуждает вопросы, связанные с местом и возможностями логики в системе культуры, связанные с тем, что, "совершенствуя и уточняя орудия мысли она развивает в людях критические способности (курсив мой - И. Г.), а это делает менее вероятной возможность сбить их с толку...".¹⁹ Более того, Тарский обсуждает проблемы соответствия семантической концепции истины философскому и обыденному употреблению этого понятия; обсуждает проблемы метафизики в этой связи; рассматривает применимость семантики к конкретным эмпирическим наукам; рассматривает место семантических понятий в "гуманитарном знании" и "истории культуры"; анализирует "применимость семантики к методологии эмпирических наук"; критикует Карнапа за излишний формализм; формулирует вопросы и анализирует исторический опыт; *наряду с этим* исследует применимость семантики к метаматематике и математике; теоретически рассматривает вопросы "интеллектуального удовлетворения", "лучшего понимания мира"; все это постоянно соотносит с проблемами обыденного языка и т. д.

Образ теоретической логики, задаваемый Д. Гильбертом и В. Аккерманом, несколько иной. Фактически, они ставят знак равенства между теоретической логикой и математической логикой. Именно программа формализма во многом определила "формализованный" образ формальной логики XX века, причем этот образ стал надолго не просто доминирующим, но фактически единственным. Программы логицизма и формализма по своим результатам создавали, как представляется, единый образ логики нашего столетия. Обе программы фактически по своим целевым установкам решали общие проблемы оснований математики, логика же в рамках обеих программ рассматривалась, опять-таки фактически, как инструмент, органон в классической терминологии, для решения основных задач. Вместе с тем одновременно эти же задачи рассматривались и в третьей программе по обоснованию математики: интуиционизме. Однако последний оказал, как представляется, значительно меньшее влияние на формирование образа логики нашего столетия. Скорее, наоборот, он способствовал постепенному разрушению идеи единственности образа логики. Интуиционизм, например, по Карри, принадлежит к одной из "разновидностей критического контенсивизма".

---

¹⁹ Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., ИЛ, 1948, с. 25-26.

В диссертации также ставится вопрос, почему в рамках одного и того же исторического промежутка времени существует несколько образов математики и практически один - логики (можно показать, что в математическом научном сообществе этого периода одновременно сосуществовало несколько образов математики). Применительно же к логике, в свою очередь, можно говорить о том, что совсем недавняя победа антипсихологизма в логике фактически, среди прочего, привела к отмене, по крайней мере на уровне деклараций, плюрализма в видении и интерпретации логики и её теоретических основ. Это как раз и привело, в частности, к тому, что в восприятии логики как внутри логического научного сообщества, так и за его пределами начинает доминировать именно "формалистский" образ логики. Во внелогических кругах этого периода образ логики определяется, в первую очередь, той совокупностью понятий, которые как раз и конституируют ее как теоретическую науку, а именно: полнота, непротиворечивость, формализация и так далее. Смысл и значение этих понятий, их практическая значимость за пределами научных теоретических кругов остается неясным. В результате логика как таковая отождествляется с образом теоретической логики этого периода; делается вывод о ненужности, бесполезности "логических умствований" за пределами профессиональной теоретической логической и физико-математической деятельности; так понятая логика оказывается весьма далека от реальной жизнедеятельности конкретных людей. Сформировавшийся образ теоретической логики в дальнейшем лишь подтверждался опытом изучения логики в рамках конкретных университетских курсов, чтением учебников по логике и т.д. Этот образ, в свою очередь, формировал общее впечатление от науки логика как чего-то совершенно далекого от философии, но что почему-то, скорее всего по традиции, называется философской дисциплиной. Образ теоретической логики XX века включает в себя, на мой взгляд, представление о логике как одной из эзотерических дисциплин со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В параграфе "Логика и проблемы субъективности. Хайдеггер против логики?" подчеркивается, что, отвечая на вопрос, какое место занимает логика в различных философских течениях XX века, нельзя ограничиться только обращением к логическому позитивизму или аналитической философии. Утверждение фон Вригта, что "именно логика была отличительным признаком философии нашей эпохи", не означает однозначно позитивного отношения к логике в целом в философии XX века, поскольку в это время были и есть и другие влиятельные философские течения, в свою очередь, определившие некоторые тенденции будущего

развития логики, позволяющие ставить вопросы о иных трактовках логики.

В диссертации показывается, что к таким направлениям, безусловно, можно отнести философию М.Хайдеггера. С именем Хайдеггера связывают негативное отношение к формальной логике, к основанной на ней рациональности. Однако, следуя принятому в диссертации подходу всякий раз уточнять, что в данном конкретном случае понимается под логикой, какой ее образ имеется в виду, необходимо с таких же позиций проанализировать и хайдеггеровскую позицию по отношению к логике, что невозможно сделать без обращения к тексту известной лекции Хайдеггера "Что такое метафизика?"²⁰, которая часто трактуется как "атака на логику". Именно этот анализ составляет основное содержание данного параграфа.

В диссертации выдвигается тезис, что в основе этих идей Хайдеггера лежит *ещё одна из многочисленных идей реформы логики*, стремление "ввести в мышление всю сложность бытия" определяет поворот Хайдеггера к иному, неклассическому типу логики, к логике вопрошания, достоинство которой заключается именно в её адекватности "бытийному мышлению". Хайдеггер выступает не против формальной логики, а против *всесильности* формального правила, запрещающего противоречие, против *господства* формальных дефиниций как стремления "укладывать" все в "определения", против введения "формальных понятий" как *самоцели*. Это означает, однако, лишь то, что Хайдеггер выступает против определенного образа логики, сформировавшегося в рамках антипсихологизма, отличительной чертой которого является стремление вывести субъекта за свои пределы. Он специально подчеркивает, в частности, в статье "Тезис Канта о бытии", что он не занимается ниспровержением логики.

В параграфе "Логическая форма: проблема уточнения. Витгенштейн и не-фрегевская логика" рассматривается концепция логики, представленная в "Логико-философском трактате" Л.Витгенштейна, который, в свою очередь, истолковывается в диссертации как своеобразная "философия логической формы".

На примере не-фрегевской логики анализируется также конкретный случай влияния определенной трактовки логической формы на принимаемую систему рассуждений, то есть логику. Проведенное в этой части работы исследование позволяет сделать вывод, что без учета достижений логической семантики

---

²⁰ Хайдеггер М. Что такое метафизика? Введение к "Что такое метафизика?" Послесловие к "Что такое метафизика?" // Хайдеггер М. Время и бытие. М., Республика, 1993, с. 16-41.

оказывается недостаточно полным анализ ряда важнейших философских проблем, в частности, проблема того, как изменения в понимании характера тех сущностей, к которым относятся наши высказывания, ведут к иным способам рассуждений. На примере сравнения методов семантического анализа предложения, лежащих в основе классической и не-фрегевской пропозициональных логик, показано, как трактовка области значений пропозициональных переменных отражается на особенностях принимаемой логики.

В диссертации показано, что принятие онтологических допущений, связанных с трактовкой предложения как имени (фрегевский подход) ведет к определенной трактовке тождества: оно сводится в обычной пропозициональной логике к отношению материальной эквивалентности; определяет функционально-истинностный характер всех связей, делает тривиальным смысл квантифицирования пропозициональных переменных. Введение понятия "ситуация" в семантическую модель анализа предложения меняет логику. Показывается, что понятие ситуации относится не столько к онтологии, сколько к методологии анализа действительности в процессе ее познания. Выделяются два уровня абстракции, на которых можно рассматривать ситуацию. Второй уровень абстракции - это уровень "идеальных", абстрактных ситуаций, понимаемых интенционально, как то, что задается предложением. Именно второе понимание ситуации лежит в основе не-фрегевской логики, что позволяет показать, в свою очередь значение идей "Логико-философского трактата" для создания не-фрегевских логик. Основная задача, которая ставилась в диссертации при анализе не-фрегевских логик, заключалась в выявлении тех онтологических допущений и того способа семантического анализа предложения, которые могли детерминировать такого рода логику. Проведенное в разрезе сопоставления фрегевских и не-фрегевских пропозициональных логик исследование показало, сколь существенен для логики лежащий в ее основе метод семантического анализа, тесно связанный с определенными философскими, онтологическими допущениями и абстракциями. Именно они определяют особенности построения логических систем, то есть способов выявления логических структур.

В Главе IV "**НЕФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА versus ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА**" рассматриваются следующие вопросы: какова история и причины появления неформальной логики, какой смысл вкладывается в ее название, какие проблемы составляют область ее интересов, какое место отводит она себе в рамках логики, философии, какие задачи ставит перед собой? Действительно ли это совершенно новое направление в логике и

можно ли его вообще считать логикой? Почему до сих пор в России неформальная логика не стала предметом ни теоретического, ни практического (в первую очередь, как на Западе, педагогического) интереса? Анализ ведется с учетом выявленных в предыдущих разделах диссертации особенностей различных образов логики, задающих, в частности, ту или иную трактовку самих понятий "формальное" - "неформальное".

В Параграфе "Неформальная логика: история появления и философские предпосылки" выявляются причины появления неформальной логики, определившие, видимо, и главные ее особенности, производится "погружение" неформальной логики как в современный ей, так и исторический философский контекст.

Во второй главе диссертации были рассмотрены различные трактовки аристотелевской логики, позволяющие, в том числе, рассматривать ее как неформальную. Анализ современной неформальной логики показывает связь ее тематики с аристотелевской логикой, в первую очередь, с его трактатом "О софистических опровержениях". Одно из центральных понятий неформальной логики - это понятие ошибки (fallacy), а задача неформальной логики, с этой точки зрения, заключается в описании и классификации неформальных ошибок в рассуждениях. Трактовку логики как средства предохранения от ошибок и заблуждений можно найти и гораздо позже, в частности, в книге В. Минто "Дедуктивная и индуктивная логика" (1895г.). Устанавливается также близость подходов в понимании задач логики неформальной логики и Логики Пор-Рояля.

Выделяется главная характеристика неформальной логики - это логика, ориентированная на анализ мыслительных процедур, прежде всего, рассуждений, осуществляемых в реальных ситуациях реальным человеком. Следующие особенности неформальной логики, выявленные в работе, подтверждают этот вывод:

- внимание к рассуждениям, выраженным в *естественном языке* и используемым в *публичном дискурсе*, с присущими им естественной многозначностью, неопределенностью, незавершенностью;

- изучение аргументации как *процесса*, во всей ее изменчивости;

- убеждение в том, что существуют нормы, стандарты, приемы в *оценке аргументации*, рассуждения, которые несут логический характер - а не чисто риторический или же специально-содержательный, но в то же время не охватываются понятиями дедуктивной и индуктивной логики;

• внимание к *реальным* навыкам, составляющим *критическое мышление*, и отсюда стремление дать ясное и операциональное определение критического мышления;

• понимание задачи *обучения навыкам рассуждения и аргументации* как центральной задачи образования вообще, тем самым способствующей подготовке молодежи к ответственной социальной и политической деятельности.

Название “неформальная логика” самими ее представителями признается не совсем удачным, прежде всего в силу сего “отрицательной” формулировки. В ее названии как бы уже заключено исходное противопоставление логике формальной, хотя, как показывается в дальнейшем анализе, жесткого противопоставления все же не существует (в частности, многие неформальные логики включают в свои курсы и элементы формальной логики). Кроме того, использование термина *Informal*, а не *Non-formal*, также говорит в пользу “неотрицательного” истолкования, хотя эти смысловые оттенки трудно передать при русском переводе. Как представляется, ударение должно делаться не на том, что “эта логика не является формальной”, а на том, что “она является неформальной” в том значении, в котором в русском языке чаще используется это слово (естественно, применительно не к логике). В частности, именно такое значение перевода слова “informal” на русский язык дается в словарях: “неофициальный, непринужденный, будничный, *повседневный, разговорный* (язык) (выделено мною - И.Г.)”. Высленные варианты перевода наиболее адекватно передают специфику неформальной логики.

Выявление философских предпосылок неформальной логики имеет, учитывая принятую в диссертации методологию исследования, принципиальный характер. Хорошо известно, что представители постпозитивизма создали различные образы науки, особенности которых не раз обсуждались и в зарубежной, и, что важно подчеркнуть, в отечественной литературе. В зарубежной литературе такое обсуждение и привело к появлению, в частности, неформальной логики. В то же время аналогичное обсуждение в нашей литературе практически не коснулось того образа логики, который создавался в рамках, главным образом, аналитической философии периода логического позитивизма. Этот образ и по сей день остается доминирующим как в теоретической логике, так и в учебных курсах.

В качестве философско-методологической базы неформальной логики в диссертации рассматривается концепция “человеческого понимания” С.Тулмина. В свою очередь, сами идеи этой концепции погружаются в более широкий контекст, задаваемый, с одной стороны, постпозитивистской критикой

логического позитивизма, с другой - поисками новой парадигмы в эпистемологии и философии науки. Цель такого "погружения" - попытаться более полно выявить и продемонстрировать на данном примере влияние изменений, происходящих в общих философских установках, на принимаемый образ логики. В диссертации специально рассматриваются две работы Тулмина: "The Uses of Argument" и "Человеческое понимание".

Показывается, что в первой из названных работ Тулмин противопоставляет "идеальную" логику символической формальной логики "работающей" ("working") логике, необходимой для анализа повседневной аргументации. Основной недостаток первой логики, с точки зрения Тулмина, заключается как раз в том, что она не замечает, что рассуждения, применяемые в разных областях знания, не только не следует пытаться подчинить универсальным стандартам, но что сами эти стандарты зависимы от соответствующих областей. В конечном счете, он призывает к сближению логики с эпистемологией, расширению предмета логики за счет включения в сферу ее интересов на равных основаниях процедур аргументации, применяющихся в самых различных областях, вплоть до возвращения в логику проблем исторического и даже эмпирического характера. Для адекватной реконструкции идей Тулмина задаваемый им в общих чертах образ логики сопоставляется с тем, который в предыдущей главе был охарактеризован как доминирующий образ логики XX века.

Для Тулмина проблемы трактовки логики, как показывает в диссертации, являются производными от проблем понимания и рациональности. Конкретно-исторический подход к анализу развития науки приводит его к обсуждению вопроса о том, что же каждый раз при очередных изменениях научного знания обеспечивает ученым его понимание. В конечном счете, необходимо исследование стандартов рациональности, а решающей тогда оказывается проблема *оправдания и оценки, суждения и критики*. Несомненно, что основной идеей тулминовского подхода к философии познания является идея изменчивости самих стандартов рациональности, их зависимости от исторических, культурных, практических контекстов. Идею неизменных вечных стандартов, применимых к доказательствам вообще, при абстрагировании от их практического контекста Тулмин называет картезианской иллюзией. Однако эти же иллюзии определяют и особенности современной эпистемологии, определяя собой идею одной единственной строгой логики, задающей "чистые", универсальные стандарты осуществления логических процедур. Картезианская рациональность сливается с логикой. При этом Тулмин не замечает, что декартовская эпистемология содержит в себе ряд возможностей

истолкования субъекта, по крайней мере, это, как было показано во второй главе диссертации, подтвердилось фактом появления Логики Пор-Рояля.

В итоге, возникает вечная философская проблема "согласования требования рациональной беспристрастности с многообразием действительных человеческих способов мышления", однако спецификой ее постановки во второй половине XX века является, как показывается в работе, самое непосредственное "участие" логики. Поскольку именно в ней, в логике, как кажется, возможно достижение этой "рациональной беспристрастности" - и она же - основное препятствие на пути этого "согласования", о котором говорит Тулмин, поскольку не позволяет "впустить" в свои формы, "чистота" которых составляет, как ей кажется, ее главное достоинство, никакого многообразия. Есть ли выход из этого положения? Тулмин намечает такой выход, и одним из его существенных аспектов как раз и является изменение образа той "логичности", отождествление с которой рациональности не позволяет, по Тулмину, построить адекватную развитию науки философию, сблизить "эпистемологию" с "естествознанием".

Формальная логика в ее "формалистском" варианте не решает проблему "оправдания", применимости, адекватности методов, разработанных в ее рамках, конкретным областям знания, в том числе и обыденного. Суть претензий к формальной логике Тулмин выразил следующим образом: "мы настаиваем на том, чтобы нам сказали, как подобный формальный анализ применяется к аргументам реальной жизни, выраженным в исторически существующих понятиях, причем эта проблема все время остается в силе (курсив мой - И.Г.)"²¹.

В параграфе "Неформальная логика: основные характеристики" неформальная логика анализируется через призму методов и тем, представленных в текстах по неформальной логике.

Для ответа на вопрос, является ли неформальная логика логикой, нужно, видимо, исходить из какого-то самого общего представления, что такое логика. Несмотря на существование разных образов логики, то есть разных представлений, в частности, о том, каков ее предмет, такое общее, идущее от Аристотеля, представление, видимо, можно выделить. Классический ответ - логика есть изучение, систематизация, оценка рассуждений с точки зрения их структуры. Одна из ее главных целей - дать людям инструмент, достаточно простой в обращении и эффективный по своим результатам для распознавания правильных и неправильных

---

²¹ Там же, с. 76.

рассуждений. Согласно такому представлению, неформальная логика является логикой.

Сходство с формальной логикой, как показывается в диссертации, обнаруживается и в последовательности проведения процедуры анализа рассуждения: сначала анализируется рассуждение с целью выявления его формы (структуры), затем задается критический оценивающий вопрос - обладает ли, с точки зрения этой формы, анализируемое рассуждение какой-то характеристикой (общезначимостью - в формальной логике) - и затем применяется некоторый метод для ответа на это вопрос. Отличия заключаются в трактовке каждого из названных этапов. В работе показывается, что неформальная логика стремится предоставить самый общий метод, который бы был пригоден для анализа и последующей оценки всех видов рассуждений. Такой метод неформальной логики видят в так называемом методе диаграмм (*techniques of diagramming arguments*), с помощью которого выявляется самая общая структура рассуждения на уровне выявления посылок и заключения и способа их организации в рассуждении (в параграфе рассматриваются несколько вариантов трактовки этого метода, предложенных различными авторами: M. Beardsley, 1975, St. Thomas, 1986 J.E.Nolt, 1984, R.H.Johnson, A.Blair, 1977 и других). Выделяется четыре основных способа и соответственно, четыре типа рассуждения: дивергентное (расходящееся), конвергентное (сходящееся), серийное (последовательное) и связанное (*linked*). Полученная в результате применения этой техники "картинка" рассматривается как представляющая *макроструктуру рассуждения*, в отличие от его *микроструктуры*, которая определяется внутренней структурой посылок и заключения: представление рассуждения в виде силлогизма, умозаключения логики предикатов или высказываний, а также индуктивного умозаключения - это и есть, с точки зрения неформальных логиков, представление микроструктуры этого рассуждения. Как известно, этим занимается формальная логика.

Итак, в исходном пункте своего анализа и формальная, и неформальная логика ставят однотипные задачи - выявить структуру рассуждения, и в этом, как отмечается в диссертации, также заключается их общность, позволяющая считать неформальную логику действительно разновидностью логики. Однако в том, на каком уровне абстракции представляется эта структура и в том, с оценками какого рода подходят к рассуждению в этих двух логиках, начинается принципиальное отличие, вытекающее из принимаемых формальной и неформальной логиками философских, методологических установок.

Формальная логика, следуя своей основной установке выявить логическую форму рассуждения, стремится максимально освободиться от естественного языка (дескриптивных терминов), в котором выражены посылки и заключения. Следующее высказывание Фреге как нельзя лучше выражает суть такого подхода: "Задача логики не может состоять в том, чтобы следовать языку и выяснять, что заключено в языковых выражениях. Главная задача логики состоит в освобождении от языка и в упрощении"²². В то же время, для неформальной логики характерно, как уже отмечалось ранее, внимание к рассуждениям, выраженным в *естественном языке*, с присущими им естественной многозначностью, неопределенностью, незавершенностью. Этим существенным фактом определяется дальнейшее различие формальной и неформальной логики. Выявив форму конкретного рассуждения (его микроструктуру, в терминологии неформальной логики), формальный логик либо по ее внешнему виду, либо применив соответствующую формальную процедуру, определяет формально-логическую правильность рассуждения. Выявление же макроструктуры рассуждения еще не означает для неформального логика возможности оценить рассуждение как правильное.

С какими же оценками подходит к рассуждению неформальный логик? Анализ ряда работ по неформальной логике позволяет выделить три основные оценки: приемлемость посылок, релевантность посылок заключению и "вес", достаточность посылок. Очевидно, что ни один из названных критериев, по которому происходит оценка "качества" рассуждения, не является формальным, в смысле формальной логики, то есть соответствие рассуждения этим критериям невозможно "усмотреть" в выделенной на первом этапе анализа рассуждения его микроструктуре. Какова трактовка самих выделенных критериев? Сами понятия "приемлемости", "релевантности", "весомости" посылок, проблема их интерпретации относятся, скорее, к сфере эпистемологии, чем собственно логики. На этом основании некоторые неформальные логики даже склонны рассматривать свою дисциплину как своеобразную "прикладную эпистемологию". В связи с этим, названные критерии рассматриваются в данном параграфе диссертации более подробно.

Такой анализ позволяет выявить еще одну существенную черту неформальной логики - публичность, диалогичность, диалектичность (в смысле Сократа - Платона), коллективность (в смысле Тулмина), социальность (в смысле Тарда) - все это

---

²² Фреге Г. Письма Г.Фреге Э.Гуссерлю. Йена 30.10-1.XI.1906 // Фреге Г. Избранные работы. М., ДИК, с.158.

выражения, характеризующие подход неформальной логики к рассуждению, в свою очередь являющийся следствием принимаемой определенной методологической установки - рассматривать процесс познания как коммуникативный в своей основе, ориентированный на другого, на совместную деятельность, на достижения понимания и так далее.

Специфической чертой неформально-логического подхода к анализу рассуждения является также его "вопрошающий характер". С точки зрения неформальных логиков, для анализа рассуждения по всем трем выделенным ранее критериям, необходимо разработать специальные вопросы, в свою очередь, включающие в себя подсистемы вопросов, позволяющие уточнить разные аспекты того, о чем спрашивается в основных вопросах. В диссертации подробно анализируются системы таких вопросов.

Применение метода постоянного задавания вопросов с целью оценки "качества" рассуждений самым тесным образом связано с уже ранее отмечавшейся трактовкой рассуждения в неформальной логике как диалогического процесса, предполагающего, как минимум, взаимодействие двух участников процесса рассуждения, аргументации: пропонента и оппонента, последний при этом понимается как "вопрошатель" и "рациональный судья", принимающий посылки только в том случае, если они рационально оправданы. Диалогическая модель рассуждения предполагает, как показано в работе, антифундаменталистскую трактовку знания. Если в традиционной формальной логике на первом месте стоит дедукция и надежность рассуждения определяется истинными посылками и правильностью вывода, то диалогический взгляд на рассуждение предлагает радикально иную картину познания. Здесь знание растет, развивается, знание, в первую очередь, свойство сообщества, а не индивида. Цель - не построить ясное знание на надежном фундаменте самоочевидности, но улучшить и расширить знание с помощью сомнений и вопросов. Логика так понимаемого познания и знания и есть неформальная логика.

Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве инструмента анализа и оценки рассуждений неформальная логика обращает особое внимание на наиболее общие характеристики структуры рассуждений и самые общие вопросы их оценки. Выявление макроструктуры рассуждения как способа взаимного расположения, связи посылок и заключения - более широкая задача, чем выявление микроструктуры, то есть строения уже самих отдельных составных частей рассуждения. Прежде чем идти дальше и глубже в анализе рассуждения, необходимо понимать, как в целом выглядит рассуждение.

В заключении к четвертой главе рассматривается пример разработки М.А.Финокьяро концепции философии науки, базирующейся на неформальной логике, а также на примере "Социальной логики" Г.Тарда и "Логике социальных наук" К.Поппера рассматривается проблема применения логики к анализу гуманитарного и обыденного знания..

В "Заключении" диссертации подводятся общие итоги проведенного исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы над проблемой.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. М.: Эдиториал УРСС, 1998. - 10 п.л.
2. Христиан Вольф и логика в России // Альманах "Философский век". Христиан Вольф и русское вольфианство. Вып. III. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники, 1998. С. 167-176 - 0,6 п.л.
3. Логика в России. Вступительная статья и составление материалов // Хрестоматия по истории философии (русская философия): Учебное пособие для вузов. Ч. 3. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1997, с. 612-635 - 0,5 п.л. (соавтор - Г.В.Сорина, 0,3 п.л. принадлежит соискателю).
4. The Problem of the Relationships between a Theoretical logic and a Practical one //Тезисы докладов международного семинара "Антропология с современной точки зрения" 22-25 сентября 1998 года, г. Светлогорск Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 1998. С. 43-45 - 0,2 п.л.
5. Критическое мышление: логика и антропология //Тезисы докладов международного семинара "Антропология с современной точки зрения" 22-25 сентября 1998 года, г. Светлогорск Калининградской области. Калининград: Изд-во КГУ, 1998. С. 8-9 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
6. Логика как практическая дисциплина (логические формы в гуманитарном знании) // Современные подходы к преподаванию философии. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова, 1998. С. 6-8 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
7. Программа курса "Логика" // Философские дисциплины: авторские программы базовых курсов и спецкурсов для студентов, магистрантов и аспирантов (философов). М.: МПГУ, 1998. С. 104-122 - 1 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, 0,5 п.л. принадлежит соискателю).

8. "К вопросу о реформе логики" //Материалы Первого Российского философского конгресса. Том III, СПб.: СПбГУ, 1997. С. 163-165 - 0,2 п.л.
9. Практическая логика и правовая культура общества //Материалы Первого Российского философского конгресса. Том III, СПб.: СПбГУ, 1997. С.241-242 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
10. Logic as a Tool for the Forming of Rational and Argumentative Thinking in Ordinary Man // Transactions of the IX International Congress on the Enlightenment. Munster, 1995. Oxford: The Voltaire Foundation, 1997. 489-498 - 0,8 п.л.
11. Логика в Российской культуре XVIII века //Материалы Международной конференции "Развитие логики в России: итоги и перспективы". М.: Логос, 1997. С. 14-16 - 0,2 п.л.
12. О соотношении формальной и неформальной логики // Научные труды Московского педагогического государственного университета им. В.И.Ленина. Серия: Социально-исторические науки. М.: Прометей, 1997. С.161-163 - 0,2 п.л.
13. Ситуации, факты, события (Анализ логико-семантических идей В.А.Смирнова) в контексте различных подходов к семантике предложения // Международная конференция "Смирновские чтения". М.: ИФ РАН, 1997. С. 40-41 - 0,2 п.л.
14. Интеллектуальная деятельность: образование и ответственность // Обществознание в школе. 1997, N 1. С.51-55 - 0,8 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, 0,4 п.л. принадлежит соискателю).
15. Век XVIII - "век логический" //Материалы Международной конференции "Екатерина Великая: эпоха российской истории". СПб.: СПбНЦ, 1996. С.70-71 - 0,1 п.л.
16. Теоретическая и практическая логика в исследованиях российских логиков // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб.: СПбГУ, 1996. С.74-75 - 0,1 п.л.
17. Логика и теология в их исторической взаимосвязи // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб.: СПбГУ, 1996. С.133-135 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
18. Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Вып. Психология. Философия. М., 1996. С.84-92 - 0,6 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, 0,3 п.л. принадлежит соискателю).
19. Логика в России как практическая дисциплина // XI Международная конференция "Логика. Методология.

- Философия науки." Т. VI. М.: Обнинск, ИФ РАН-ИЛКРЛ, 1995. С. 100-104 - 0,3 п.л.
20. "Культура мира" и "Культура войны": Кант и современность. (О роли практической логики в обосновании необходимости мира // VII Кантовские чтения, посвященные 200-летию трактата Канта "К вечному миру" 19-22 сентября 1995 года, г. Светлогорск. Калининград, 1995. С.7-8 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
  21. Заметки к программе построения неформальной логики // Научные труды Московского педагогического государственного университета им. Ленина: социально-исторические науки. М.: Прометей, 1995. С.11-14 - 0,3 п.л.
  22. Бертран Рассел. Вступительная статья и составление материалов // Хрестоматия по истории философии. Часть II. М.: Прометей, 1994. (2-е издание М.: ВЛАДОС, 1997). С.118-129 - 0,2 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
  23. Карл Раймунд Поппер. Вступительная статья и составление материалов // Хрестоматия по истории философии. Часть II. М.: Прометей, 1994. (2-е издание М.: ВЛАДОС, 1997). С.303-323 - 0,2 п.л. (Соавторы - И.М.Кутасова, Г.В.Сорина).
  24. Системообразующая роль понятий в культуре // Познание и его возможности // Материалы международной научно-методической конференции. - М.: ИНИОН РАН, 1994. С.28-29 - 0,1 п.л.(Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).
  25. Логика и гуманитарное знание // Познание и его возможности. Тезисы Международной научно-методической конференции. М.: ИНИОН РАН, 1994. С.27-28 - 0,1 п.л.
  26. Non-fregean Approach to Semantics and Modalities // XIX World Congress of Philosophy. Book of Abstracts, VI, Moscow, 1993. Секция 4. - 0,1 п.л.
  27. Базовые курсы. Логика (с системой тестов). // Философские дисциплины: программы, требования, методические рекомендации. М., МПГУ им. Ленина, 1993. С.25-36 - 0,7 п.л.
  28. Программа курса "Логика" для гуманитарных факультетов с методическими рекомендациями. М.: МОРУ, 1992. - 1,6 п.л.
  29. Frege and Analytic Philosophy on Language and World Relationship // Abstracts of All-Russian Conference "Frege's and Hilbert's heritage in the XX-th century". Kaliningrad, 1992. С.9 - 0,1 п.л.
  30. Роль аргументации в преподавании философии // Методика преподавания философии: проблемы перестройки. М.: ВШ, 1991. 0,7 п.л.
  31. Discourse analysis of scientific activity and social structure relationships in Kant's "Der Streit der Fakultaten" // Философия

Канта и современная логика. Всесоюзный семинар "Логическое кантоведение - 3". Калининград, 1991. С.13 - 0,1 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, авторство не разделено).

32. "Логико-философский трактат" Л.Витгенштейна и не-фрегевская логика // X Всесоюзная конференция по логике, методологии и философии науки. Минск, 1990. С.48-49 - 0,2 п.л.
33. Логика и интенсификация научно-исследовательской деятельности // Социальная ответственность ученых и идеологическая борьба. М.: Наука, 1989. 0,8 п.л. (Соавтор - Г.В.Сорина, 0,4 п.л. принадлежит соискателю).
34. The Role of Notions "Situation" and "Event" in Logical Semantic Analysis of Sentences // 8 International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science. Abstracts, vol.1. Moscow: Nauka, 1987. С.238-240 - 0,2 п.л.
35. Предпосылки ситуационной семантики // Философские проблемы истории логики и методологии науки. М.: АН СССР, 1986. С.63-66 - 0,3 п.л.
36. Логический анализ научной теории и не-фрегевская логика // Логика и системные методы анализа научного знания. Харьков, 1986. - 0,2 п.л.

Общий объем публикаций по теме: 36 работ, 20 п.л.

